

ВЕК СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Войны, тюрьмы, книги, спасенные жизни, друзья и любовь врача Захария Френкеля (1869–1970)

Он был на 4 месяца старше Ленина, дожил до 100 с лишним лет, дважды женился по любви, имел 4-х детей, трех девочек и мальчика (все выжили), построил под Петербургом дом, в котором прожил жизнь, 3 раза сидел в тюрьме, был дважды членом ЦК кадетов, прошел блокаду, и в блокаду, на 8-м десятке лет жизни закончил известнейшую книгу "Удлинение жизни и активная старость", после чего в 79 лет женился на своей давней возлюбленной, снова построил дом, уже для нее, и добрался до 1970 г. Десятки лет вставал в 5 утра и несколько часов косил, рубил и копал, называя все это «дворницкими работами». 2 университета, Московский (отчислен и выслан), а затем Дерптский (ныне Тарту). Лечил на фронте в первую мировую. Может быть, хватит? В 1953 г., будучи из семьи крещеных евреев, по распоряжению из Москвы изгнан с должности зав. кафедрой и профессора, чтобы работать еще 17 лет, до своих 100+ лет в 1970 г.

Да кто же это? Кому все это выпало? Речь об известнейшем ученом, Захарии Френкеле, "социальном гигиенисте", всю жизнь посвятившем тому, как лучше и здоровее устроить человеческие поселения. Больше десятка книг, академик АМН, зав. кафедрой, председатель всевозможных обществ, в 30-е получил предложение от Нобелевского комитета номинироваться на "Нобеля" (но не стал, 1930-е!). Но, может быть самое главное, что он был любителем людей, просто очень хорошим человеком, всю жизнь пытавшимся сделать так, чтобы они были здоровее. Санитарный врач с большой буквы. Это - радость писать не о злодеях, а просто об обычном, нормальном, очень хорошем человеке, умельце в своем деле, очень важном для нас всех. И еще - его книги пронизаны сотнями имен других таких же умельцев, спецов в своем деле, и, когда все это читаешь, ты начинаешь понимать, кому ты обязан - и чем. А кому ничем не обязан.

Наша жизнь – циферблат. Она вся в числах. Он владел 11 языками. Русский, украинский (родился в Борисполе), немецкий (свободный), латинский («я слыл... знатоком латыни»), греческий, французский (свободно). «Я... овладевал иностранными языками настолько, чтобы читать... книги и журналы, нужные мне, не только на немецком, французском, но и на английском, итальянском, испанском, чешском и польском языках». «С первого дня пребывания в Лондоне я стал посещать Гайд-парк, чтобы лучше понимать устную английскую речь». Какая ненасытность!

Ненасытность? 3 раза в жизни голодал. 1889 г., студентом в Москве. «Там всегда стоял на столе хлеб, и его можно было есть бесплатно. Оплатив талоны на чай, я, главным образом, питался хлебом»). 1918 г. «Мы не могли достать хлеба, не было... никакой муки и крупы». «Мы поддерживали жизнь... употребляя случайно сохранившиеся семена клевера, выпекая из него... суррогат хлеба». 1941 – 1943 годы, Ленинград. «Невыносимое чувство голода», «неутолимое мучительное чувство голода», «ужасные проявления голода», «смерть от голода витает кругом», «мучает голод до совершенного отчаяния», «люди «падают» от голода аналогично падежу скота», «уже в ноябре смерть от голода казалась мне неизбежной»

20 раз – счастливый человек! «Все 20 случаев моих вынужденных выступлений в качестве акушера окончились благополучно. Но сознаюсь, что я страдал при родах не меньше, чем сама роженица, переживая её боли и схватки... Из всех сторон деятельности и работы в моей жизни, оказание врачебной помощи при родах давало наибольшее удовлетворение. Непосредственное радостное чувство облегчения, когда раздавался первый крик новорождённого, а настрадавшаяся долгими мучениями роженица становилась счастливой матерью, оставалось светлым воспоминанием после каждого моего выезда на роды».

Еще раз. Помочь появиться на свет ребенку, помочь его матери – «из всех сторон деятельности и работы в моей жизни... давало наибольшее удовлетворение». Счастье! А

сколько человек он спас, как санитарный врач, как «социальный гигиенист», как ученый? Неизвестно.

11 лет, 1896 – 1907 годы - земский санитарный врач в Петербургской, Вологодской, Костромской губерниях. «Выезжая к заболевшим оспой, сыпным тифом и другими эпидемическими заболеваниями на места и непосредственно знакомясь с тяжёлым положением населения, с его нуждами в элементарном санитарном и культурном обслуживании, я выработал в себе привычку... всякие цифры о числе заболевших воспринимать в их конкретном содержании, видеть за ними всю убогую обстановку в избах, всю неизбывную нужду и терпеливо переносимое горе в семьях, где происходили десятки и сотни заболеваний». «Я лично объехал школы во всех волостях и провёл там оспопрививание». «То, что я не лечащий, а санитарный врач, во внимание не принималось. В избы, куда я заходил, набивалось много народа, и нельзя было отказать во внимании больным, которые по много часов ожидали своей очереди» .

А рядом - жизнь ученого! Книги и идеи - спасают! Создал систему оспопрививания и, основываясь на своем опыте земского врача, выпустил свою первую книгу «Очерки земского врачебно-санитарного дела» (1913). Как так устроить в тысячах земств России, чтобы врачебному делу достать до каждого. На гонорар построил свой первый дом для семьи. Это сейчас возможно?

Он дожил до 100 +, но всю жизнь пытался увидеть всё сам, мельчайшие детали человеческих поселений, достать до тех крайних их уголков, где нужен санитарный врач, «социальный гигиенист», чтобы удлинить массовую, «среднюю» жизнь. Чем он только не болел в этих блужданиях! 1896 г. - оспа, 2 дня без сознания. 1899 г. – пневмония, начало чахотки (избавился «выкорчевыванием сосен»). 1916 г. – крупозная пневмония, 2 месяца без зрения. 1942 г. – крайняя степень истощения, гемоколит («безнадёжно смертельный в моем возрасте»). Желчная болезнь в 1918 – 1937 годах. В 1927 г. «сжег глаза» на металлургическом заводе. Но зато сам, своими глазами – увидел всё! И все-таки - до 100+!

Любимое слово – «осмотреть». «Я успел съездить в Херсонес и подробно осмотреть раскопки, с изумлением останавливаясь перед вскрытыми керамическими трубами и канализационными колодцами». С изумлением перед канализационными колодцами! Осмотреть заводы, каналы, шахты, стройки, любые устройства человеческих поселений, дающие воду, тепло, очищающие землю, чтобы люди могли жить вместе, не болея. За всю свою жизнь, в эпоху войн и революций, нарушенного транспорта он осмотрел, как «социальный гигиенист», не менее 100 – 150 городов от Урала до Средиземного моря и сотни поселков и деревень.

Универсальный человек. Он редким образом соединял в себе инженера, проектирующего большие городские механизмы, человека рукотворного, построившего для себя – как образец для всех - уникальный «экологичный», чистый дом под Петербургом, с человеком – ученым, пытающимся вычислить законы, по которым большие массы людей могут так расположиться в поселениях, чтобы жить как можно дольше. Числа. Вся жизнь - статистик и демограф. Все книги – уникальные свидетельства тогдашнего бытия.

В Петербурге – холера? В ответ 2 книги – «Холера и основные задачи оздоровления наших городов» (1908), «Холера и наши города» (1909). Жизнь во время войны? В ответ - книга «Петроград периода войны и революции» (1923). «Началось катастрофическое обезлюдение Петрограда». В середине 1917 г. население Петрограда – 2,4 млн чел., в августе 1920 г. – 0,7 млн. чел. Уменьшилось на 1,7 млн чел., в 3,4 раза. Произошло «страшное вымирание стариков». «Катастрофическое поднятие общей смертности после революции», в 1914 г. – 21,5 чел. на тысячу, в 1918 г. – 43,7 на тыс., в 1920 г. – 50,6 на тыс., при развитии эпидемий, особенно тифа, и резком падении рождаемости с 30 на тысячу 1910 года до 13,8 на тыс. в 1919 г. Так он вычислил цену революции – в людях, в не рожденных детях.

Новые «социалистические» города? Френкель ответил первым советским учебником «Основы общего городского благоустройства» (1926). И в нем – мечта. Город, обладающий качествами «безопасности, здоровья, удобства, долговечности или прочности, красоты и уюта». Благоустройством городов добиться резкого снижения смертности до 11 – 13 чел. на тысячу, чтобы человек мог спокойно доживать до естественного предела в 80 – 100 лет. Даже сегодня, спустя 100 лет, мы не достигли этого. В 2020 г. в России у городского населения – 14,6 умерших на 1000 чел. (Росстат).

Он из любого своего опыта извлекал книги. Свою главную книгу «Удлинение жизни и активная старость» издал в 1946 г., когда ему было 76 лет. Эта книга – обещание жить до 100. Обещание для всех - «собрать самую лучшую «совокупность окружающих условий», всю «жизненную обстановку», чтобы увеличить среднюю продолжительность жизни до естественных пределов 80 – 100 лет. Показать «не иссякающую при соответствующих благоприятных условиях и в старости, далеко за пределами 60 – 70 лет, творческую и трудовую способность»! Дать «яркие образы старости, полной жизненных соков, волевых и интеллектуальных способностей».

Он свое обещание выполнил. Ему 83 года. «В 1952 г. мною было прочитано 370 лекций, прочитано и обсуждено с авторами 67 тетрадей работ, написано 5 рецензий на... диссертации; на защите этих диссертаций я выступал в качестве... оппонента». Каждый ученый хорошо знает, какой это по объему труд!

Есть ли еще числа на циферблате его жизни? Сколько угодно! 5 домашних обысков, не считая множества тюремных. В 1899, 1901, 1905, еще раз 1905, 1938 годах. «Это было тяжелое испытание, обрушившееся на мою семью» (1901). 1905 г. «Обыск... проведен был с подчеркнутой крикливостью и давлением. Квартира была оцеплена пешей и конной полицией. Жандармы... копались с вечера... до утра, перетряхивали детские кроватки и кухонную утварь, подушки, мебель, перелистывали каждую книгу». 1938 г. «Он предьявил приказ об обыске у меня и о моем аресте... Я понимал злую мою участь».

3 раза высылался за неблагонадежность и «вредное влияние» (1890 г., Москва, отчислен из университета, 1901 г., Петербург, 1908 г., Кострома).

15 месяцев своей жизни из 100 лет просидел в тюрьме. 2 месяца, 1890 г. в Бутырке (студенческие волнения), 4 месяца, 1908 г. в Костроме (депутат 1-й Госдумы, за «Выборгское воззвание», призыв к гражданскому неповиновению после ее роспуска), 9 месяцев в «Большой террор», Ленинград, 1938 – 1939 годы.

«Следователь... осыпая меня самой грязной бранью, стал наносить мне удары по шее, по лицу... Потом нанёс кулаком сильный удар спереди по рту, по-видимому, чтобы заглушить дикие вопли, бессознательно мною издававшиеся. Я упал на пол, и он пинал меня ногою... «Ночью тебя, как падаль, в помойную яму выбросим» ... Мне было приказано стоять «руки по швам, прямо». Прошёл час, другой, меня мучила жажда, боль во рту и смертельное утомление... Так простоял я весь день... Вторую ночь продолжался допрос... Утром следователь... прочитал исписанные листы моих бесхитростных и абсолютно правдивых показаний, изодрал их в куски и приказал писать новые, а пока поставил к стене, угрожая новыми побоями. Не видно было никакого выхода. Мною овладело тупое отчаяние и какое-то сумеречное состояние, точно в тяжёлом сне. Я попытался разбить себе голову ударом о стену. Череп оказался крепким... Около 60 часов непрерывного необычного напряжения, страдания, обращения со мною как с убойной скотиной, погружали меня в какой-то сон наяву... Когда двери камеры открыли... вид у меня был... такой, что никто из товарищей по несчастью меня ни о чём не спрашивал... Я залез под скамейку, меня скрыли ноги сидевших. Там я пролежал до команды «спать»... Всё стихло, и в наступившей тишине под скамейкой я сделал попытку задушить себя, перевязав горло носовым платком». Массовый пересмотр дел в 1939 г. спас его.

Он прожил 100 лет, и очень любил людей. В его «Записках...» не меньше 500 имен, и, когда они проходят одной чередой, ты вдруг узнаешь, как много талантливых, как много добросовестных, как много спецов, которым мы все обязаны, жило на земле российской. 25 декабря 1941 г., в самый голод. «Сколько богатых содержанием встреч в жизни с людьми первого ранга — с драгоценными алмазами и самоцветами человеческого мира: Лукьянович, Анна Ник. Деген-Ковалевская, Ник. Александрович Огородников, Иван Васильевич Шулепников, Кокошкин, Пётр Иванович Куркин, Подвысоцкий Влад. Валериан, Савва Артемьевич Самофал и др.». Мы хотя бы кого-то из них помним?

Он и сам был «самоцветом человеческого мира». Зачем «полез» в 1-ю Госдуму, депутатом от Костромы? Зачем «стал одним из организаторов ячейки кадетской партии в Костроме»? Его, человека реформ, дважды чуть не убили. «Пока я делал доклад... они кричали толпе, что со смутьянами теперь расправа короткая: топить их в Волге!». Его спрашивали: «Жид ты или не жид?» - и все равно голосовали за него. Дважды член ЦК партии кадетов (1906, 1917). Зачем? А затем! Земля крестьянам! Свободы, равные права, сильное местное самоуправление, рост затрат государства «на действительные нужды народа», 8-часовой рабочий день, земельный госфонд с «передачей земли нуждающемуся населению», конституционная монархия. Это была бы совсем другая страна. И, может быть, сегодня в ней жили бы 400 - 500 млн человек.

Но этой страны не случилось. В 1908 г. «я получил по почте... приговор... «каморры народной расправы» «Союза русского народа». Между двух листков... был вложен чёрный крест, а приговор... гласил, что каморра постановила подвергнуть бывшего члена Государственной думы З. Г. Френкеля смертной казни». «Ко мне подошёл один из местных... и стал мне настойчиво советовать не ходить в глухое время... «Против тебя подговаривают. Далеко ли до греха» ... Я ответил ему, что никогда я никому ничего плохого не сделал, так чего же мне бояться?».

Именно так. Чего бояться? Мы никогда никому ничего плохого не сделали. Можно жить в томлении духа, можно ни о чем не думая, можно бесконечно растрачивать свою жизнь так, что и помнить не будешь, что, когда и как. А можно по Френкелю — в неугомонности и служении. Кому? Человечеству, кому еще, и еще — себе, своему радостному интересу к тому, чтобы всё устроить в обществе, как надо. И жить до 100 с лишним лет, точно по Френкелю, вечно двигаясь, вечно радуясь отличным людям, которых вокруг полно, вечно пытаюсь сделать их и свое бытие — долгим.

Таким был циферблат его жизни. Стрелка прошла полный круг. Его жизнь была полна чисел. Жизнь была настоящей. Пусть она, как маркер, стоит рядом с нами, когда мы наполняем жизни нашими собственными числами, и нашептывает стрелке: «Не успокаивайся! Делай! Давай! Все еще впереди!».

Яков Миркин, доктор экономических наук.